

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470) «18»

В.П. Бойко

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЛИКА РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА (АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКОГО)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-700003.

Анализируется эволюция русского купечества, отраженная в творчестве П.И. Мельникова-Печерского, которая сопоставляется с некоторыми реальными характеристиками купечества в документах и научной литературе. Отмечается, что образ русского купечества и предпринимательства представляет собой совокупность материальных, психологических и социальных черт и отражает процесс эволюции российского общества в сторону буржуазного типа развития со специфическими чертами поволжского региона.

Ключевые слова: история России; купечество; предпринимательство; старообрядчество; П.И. Мельников-Печерский.

Одним из важных исторических источников, помогающим воспроизвести объективную реальность в более полном объеме, являются произведения художественной литературы. Их специфика достаточно полно в теоретическом плане определена современными историками [1]. Автор приходит к выводу о важности художественного образа при изучении прошлого, о том, что этот образ выявляет наиболее типическое в деятелях определенной эпохи, определенной профессии или социальной группы. Еще раньше академик М.В. Нечкина об этом писала, что «литература гигантски расширяет жизненный опыт человека – позволяет ему прожить множество жизней в одну жизнь, побывать в разных эпохах и странах, попробовать себя в тысячах героев, продумать поведение сотен и сотен людей» [2. С. 34].

В работе, посвященной истории русского купечества, отраженной в художественной литературе, отмечается, что страсть русского купечества к наживе была очевидна для современников, но эта черта была характерна и для европейского купечества. В связи с этим определяется главная особенность русского купечества – «отсутствие исторической преемственности и устойчивости традиций» [3. С. 147]. На основе этого тезиса и ведется в русской литературе дальнейшее повествование о «темном царстве» делового и этического мира русского купечества, что являлось, на наш взгляд, не реальным отражением действительности, а порождением критиков революционно-демократического направления 1860-х гг. [4].

Однако первым о применении художественных образов в исторической науке заговорил еще в дореволюционные времена П.А. Берлин. Эти опыты, по его мнению, нельзя назвать удачными, но такую попытку в отношении русской буржуазии он все-таки сделал: «Попытки создать художественные типы буржуазной среды, и притом типы положительные, если и делались нашими писателями, то неизменно заканчивались полной неудачей и помещением в великую художественную галерею каких-то мертворожденных типов, каких-то говорящих восковых фигур. Таковыми являются Костанжогло у Гоголя и фигура из паноптикума – Штольц у Гончарова. Это мертвые восковые типы, вылепленные по живым людям Запада...» [5. С. 170]. С марксистской точки зре-

ния П. Берлин определяет сущность русской буржуазии, ядром которой было купечество. Эта позиция стала затем определяющей в советской историографии на протяжении многих десятилетий: «Русская дореформенная буржуазия не искала власти, она искала правительственного покровительства. Вследствие этого ей не приходилось с оборонительными и наступательными целями соединяться и создавать свой кодекс честности и справедливости. Она брела разрозно, без потребности в классовом объединении за отсутствием врага; благодаря этому она в своем брате-купце видела не соратников в классовой борьбе, а конкурента в коммерческой деятельности, и считала по отношению к нему позволительными и допустимыми все те средства, которые вели к его разорению» [5. С. 183]. Стоит ли говорить, что такая трактовка отечественного предпринимательства стала анахронизмом, хотя и используется часто в публицистических и агитационных материалах.

Одним из источников, подтверждающих формирование и эволюцию отечественной буржуазии на основе естественного стремления организовать хозяйственную, общественную, а затем и политическую жизнь страны на новых буржуазных началах, стало творчество прозаика Павла Ивановича Мельникова, более известного под псевдонимом Андрей Печерский. Родился он в небогатой провинциальной дворянской семье, а детство провел в уездном городе Семенове Нижегородской губернии. Эта территория на левом берегу Волги, покрытая дремучими лесами, называлась Заволжье и была местом поселения сторонников старой веры, хранителей традиций древнерусского быта, народного творчества и поэзии. Очевидно, что эти традиции с раннего детства вошли в сознание будущего писателя и стали основой его миросозерцания. В 1834 г. П.И. Мельников поступил на словесный факультет Казанского университета, а в 1837 г. закончил его со званием кандидата. Как отмечает в биографическом очерке П. Усов, будущий писатель в студенческие годы увлекался творчеством Пушкина и Гоголя, статьями Белинского и готовил себя к научной работе в университете, для чего в то время кандидатам предоставлялась длительная коман-

дировка за границу. Однако в строгое «николаевское» время (правления Николая I. – В.Б.), он был за ничтожный проступок выслан в Пермь, где преподавал историю и статистику в местной гимназии. Фактически Мельников оказался в ссылке, которая длилась до 1839 г., когда он был переведен старшим преподавателем в Нижегородскую гимназию [6. С. 72–73].

В Нижнем Новгороде Мельников активно занялся русской историей, как общей, так и местной. В результате в журнале «Отечественные записки» с 1839 по 1842 г. появляются его историко-этнографические очерки «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», где рассказывается о Перми, Соликамске, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове и других населенных пунктах. Записки состоят из 10 глав, которые объединяет в единое целое автор, его интерес к населению этих городов, его нравам, обычаям, занятиям и многому другому, что раньше не привлекало ни у кого внимания. Эти записки вызвали интерес у читающей публики, особенно в тех городах, о которых в записках шла речь. Это была проба пера начинающего писателя, который в это время сблизился со славянофилами. Как известно, в 1840-е гг. в идеологии господствовали два направления, сложившиеся уже к этому времени в определенное мировоззрение, в систему взглядов на самобытность русского народа, на особый путь развития России, отличный от западноевропейского. Славянофилы, сближаясь с идеологами официальной народности, считали русский народ носителем таких добродетелей, как смирение, религиозность, приверженность старине.

В связи с этим в 1845 г. нижегородский губернатор генерал Урусов поручает Мельникову редактирование местной газеты «Нижегородские губернские ведомости», которые стали выходить во всех губернских городах России, включая с некоторым запозданием и Сибирь. Ведомости состояли из двух частей – официальных новостей, включающих различные распоряжения, циркуляры и назначения, и неофициальных, состоящих из очерков на исторические, политические и литературные темы. По мнению современного исследователя, Мельников «первые девять месяцев сам писал от первого слова каждого номера до последнего, а в остальные 4 года почти одну треть составляли его статьи» [7. С. 17]. Работа в газете содействовала обогащению жизненного опыта будущего писателя и давала богатый материал для последующей литературной деятельности. Однако главным источником творчества уже писателя, взявшего псевдоним Андрей Печерский, стало назначение Мельникова чиновником особых поручений при нижегородском военном губернаторе, открывавшее перед ним широкие возможности для исследования истории церковного раскола и судьбе приверженцев старой веры. Эрудиция и энергия молодого чиновника с первых шагов привлекли внимание светского и духовного начальства, и Мельникову стали поручать сложные раскольничьи дела, в которые он тщательно вникал и неукоснительно выполнял все предписания властей. В результате, искренне сочувствуя старообрядчеству как духовному движению, правдиво и сочувственно изображая его в своих художественных произведениях,

на деле он жестоко преследовал староверов, представленных в Заволжье на реке Керженец преимущественно беглопоповцами, лишал их местнотимых святынь. Эти действия, иногда приписываемые ему, создали Мельникову славу «разорителя» керженских скитов, яростного гонителя на старую веру. Старообрядцы не могли простить Мельникову насильственного приведения староверов в единую для кержаков и официальной церкви веру (единоверчество. – В.Б.), репрессий в отношении беглых в скиты попов, изъятие из скитов древних икон, крестов и других святынь. Между тем П.И. Мельников не был идейным гонителем раскола и в своем «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии», составленном в 1854 г., он показал себя тонким знатоком старообрядчества, собрал богатый фактический материал, послуживший ему потом ценным литературно-художественным источником.

Интересны выводы, к которым пришел Мельников после подробного описания нижегородских скитов в историческом, бытовом и нравственном отношениях:

1. Русский раскольник, если он занял почему-либо «видное место в кругу сектаторов, отличается ханжеством и лицемерием».

2. Раскольники поповского толка, по мнению Мельникова, организованы правильно, в соответствии с постановлениями официальной церкви, а «иерархию, надобно сознаться, устроили более согласно с правилами апостолов, вселенских и поместных приказов, нежели устроена администрация современной русской церкви».

3. Успокоение пяти миллионов раскольников поповщины, «успокоение, столь сильно желаемое государем императором, теперь может быть достигнуто без нарушения достоинства православного правительства и без оскорбления святой церкви дозволением ее священнослужителям бегать тайно к раскольникам». Имеется в виду, что для своих главных обрядов (крещение, заключение брака, отпевание) старообрядцы часто привлекали священников официальной церкви, щедро их вознаграждая. Предлагаемые Мельниковым меры должны были устранить такое противоречие, так как по его предложению были разорены многие раскольничьи скиты Заволжья и имя Мельникова для них было ненавистно [6. С. 221].

В конце 1850 – начале 1860-х гг. П.И. Мельников считал, что необходимо слияние двух враждующих религиозных сторон русского православия. В обновленном пути он начинает видеть основу будущего развития России. Поэтому отрицательно относясь к расколу в своих отчетах и публицистических работах, он в романах «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881) выводит положительный образ предпринимателя Потапа Максимовича Бугрова как носителя народной точки зрения, совмещавшего в себе мудрость и справедливость. Реальным прототипом этого литературного героя был Петр Егорович Бугров, имевший в 1853 г. 65 лет от роду, торговавшего тогда по свидетельству первого удельного крестьянина Семеновского уезда Чистопольского приказа дер. Поповой. Он был поповцем Рогожского согласия и жил в Нижнем Новгороде, где занимался хлебным торгом и казенными подрядами. Вел образ жизни деревенского

мужичка, всем говорил «ты» и пользовался огромным авторитетом у населения. Когда неожиданно ему были нужны большие деньги, он выходил на базарную площадь и обращался к торговцам – необходимая сумма тотчас набиралась в его шапку. «Ворочая сотнями тысяч, этот старик жил хуже всякого мещанина средней руки и делал это не от скупости, не из ханжества и вообще не по какому-нибудь расчету, а по привычке к простому быту», – отмечали его современники [6. С. 153]. Писатель М. Горький много беседовал с сыном П.Е. Бугрова о вере и коммерции и сделал для себя вывод, что этот «сектант» относится к труду как к чему-то сакральному, святому, в какую-то силу, которая сможет объединить людей «в одно необозримое целое, в единую разумную энергию...» [8. С. 26].

У русских купцов-старообрядцев существовал своего рода негласный кодекс чести, осуждавший все виды паразитического или ростовщического капитала. Наибольшим почетом у них пользовались владельцы промышленных предприятий, пусть даже небольших, и крупные торговцы-оптовики. Затем шли остальные торговцы, крупные, средние и мелкие, ведущие торговлю без обмана, и только затем к купцам можно было отнести разного рода перекупщиков, ростовщиком и кулаков, которые наживались на разного рода спекуляциях, махинациях и обмане. В результате купцы, принадлежавшие к старой вере, занимались «правильным» бизнесом, который давал не такой высокий процент прибыли, как виноторговля, ростовщичество и государственные заказы, но был более надежным, и капиталы у них рассчитаны на долгое время. Поэтому многие крупнейшие капиталы России принадлежали староверам: Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Солдатенковы, Бугровы и многие другие.

Приверженность традициям, старинному быту, жесткий консерватизм старообрядцев заставили известного писателя Мельникова-Печерского изменить свое отношение к старой вере и ее носителям. Не враги самодержавия и официальной веры, а основа и опора российской государственности, отечественной экономики и политической благонадежности. Именно так освещается старая вера в диалогии этого писателя, которая имела огромную популярность в России второй половины XIX в. и позже. Об этом хорошо написал в юбилейной статье критик А. Измайлов: «Романы “В лесах” и “На горах” считаются вещами, которых не может не знать интеллигентный человек... До сих пор хранятся следы былого внимания к этим книгам в старых библиотеках, где в книжках “Русского богатства” за 70-е гг. вы неизбежно находите среди девственно-чистых страниц сильно потемневшие, “зачитанные” листы несколько лет тянувшегося поволжского романа» [9. С. 454]. Отмечает критик и «летописную» манеру письма Мельникова-Печерского, которая так привлекала и привлекает читателей: «Терпеливо, день за днем, он выписывает будничную жизнь своих героев, похожий на художника, поставившего перед собой колоссальное полотно, для работы над которым необходимы табуреты и лестница» [9. С. 458]. Кстати сказать, в XIX в. портреты стали заказывать даже купцы, придерживающиеся старой веры. Устроитель выставки русского портрета в Рус-

ском музее М. Приселков в 1925 г. писал: «Перед нами все мужские портреты сохраняют русское обличье: русский кафтан, русскую прическу “под скобку”, прямой пробор, наконец, русскую бороду. Эти люди носили бороду упорно, с нею себя изображали на портретах, хотя дворянская мода считала в ту пору бороду совершенно недопустимой, и Александр I заявлял, выражая общее мнение дворян о бороде, что отпустит себе бороду, чем подпишет мир с Наполеоном в 1812 г.» [10. С. 31]. Тем не менее борода как национальная русская принадлежность в течение XIX в. распространялась все шире среди разных слоев населения, включая дворянство и чиновничество, пока не добралась до самого верха – последние русские императоры Александр III и Николай II имели роскошные и холеные бороды. Однако вернемся к творчеству Мельникова-Печерского, который также под влиянием моды или под влиянием старообрядцев отпустил длинную бороду, как, впрочем, и большинство великих русских писателей.

Удачным литературным дебютом П.И. Мельникова следует считать его рассказ «Красильников», впервые опубликованный в 1852 г. В центр повествования поставлен крупный предприниматель, купец Корнила Егорович Красильников, который выступает новым хозяином жизни всей округи, дающий работу сотням ее жителей и определяющий стиль поведения таких же как он воротил. Чувствуется, что купец вышел «в люди» в первом поколении, его речь изобилует пословицами и мудреными изречениями, навеянными библейскими текстами: «Зелен виноград – не вкусен, млад человек – не искусен»; «хоть детское сердце в камне, да отцовское в детках»; «свои собаки грызутся, чужая не приставай»; «без детей горе, а с детьми вдвое» и т.д. Богатый дом Красильникова выстроен и устроен напоказ: ничего для себя, все для чужих. Потому то и пробирался хозяин всякий раз из раззолоченных палат в укромный уголок с теплой изразцовой лежанкой, крепким сосновым столом и таким же стулом, двуспальной кроватью с пуховиком и дюжиной пуховых подушек. Вот как он выражает свое купеческое кредо в отношении образования: «Говорят люди: красна птица пером, а человек ученьем... Говорят: ученье свет, неученье тьма... Врут люди! Ученье – прямо мученье, а нашему брату погибель! Купец знай читать, знай писать, знай на счетах класть, шабаш – дальше не забирайся!... Лучше недоучиться, чем перучиться. Ученье ведь что дерево: из него и икона и лопата... аль что ножик: иной его на пользу держит, а наш брат себя ж по горлу норовит... Купцу наука, что ребенку огонь» [11. С. 66].

Конечно, такая эмоциональная тирада купца связана с тем, что проучившись четыре года в столичном университете, его старший сын вышел из под воли отца и самостоятельно принял решение жениться, что привело его в ярость. Не помня себя, он прибил молодых, просивших его благословения, в результате чего невеста занемогла и скончалась. Благодаря связям и деньгам Красильникову-отцу удалось дело замять, а его старший сын, получивший высшее образование, спился, был близок к помешательству и, в конце концов, покончил с собой. За собой купец

вины не чувствовал, во всем винил образование и «моду на благородных» и так же, как сын, заливал горе вином. В разговоре с автором повествования Красильников формулирует причину успеха русской коммерции: «Чтоб дело торговое шло, – молвил Корнилы Егорович, – надо чтоб ему не делали помехи, а пуще того, чтоб ему не помогали, на казенну бы форму не гнули. Не приказное это дело: в форменну книгу его не уложишь. А главная статья – сноровка... Без сноровки будь каждый день с барышом, а век проходишь нагишом. А главней всего – божья воля: благословит господь – в отребье деньгу найдешь; без божьего благословенья корабль с золотом ко дну пойдет» [11. С. 60].

Однако в последние годы, по мнению Корнилы Егоровича, дела у кожевников пошли худо и главную причину этого он видит в национальной русской небрежности: «Русский человек на трех сваях стоит: авось, небось да как-нибудь. Нам бы тят-ляп и корабль... Вон на дворе партия юхты лежит – на Урюпинску заготовил – развалайте-ка воз: тут подрез, тут гниль мясная а тут и все дырье... Отчего?... Оттого, что платишь рабочему поштучно, он тебе делает как-нибудь, одно норовит: больше бы кож обрядить» [11. С. 59]. Одним словом, перед нами образ рачительного и хитрого хозяина, пронырливого и ловкого дельца, которых было достаточно много среди деловых людей России.

В работе над своим первым рассказом у П.И. Мельникова проявилась главная особенность его творчества – склонность к использованию личных наблюдений, этнологических по своей сути наблюдений, интерес к деталям быта, внешности и языка, а также высокая степень обобщения фактов. Не случайно подзаголовок этого рассказа звучит так обыденно: «Из дорожных записок». Рассказ «Красильников» открыл Мельникову-Печерскому широкий доступ в литературу, и он приступил к написанию монументальных полотен, диалогии «В лесах» и «На горах». Показывая на страницах своих романов экономическое положение края и решающую роль в процессе его хозяйственного развития местных предпринимателей, Мельников-Печерский опирался, прежде всего, на свой богатый жизненный опыт и данные научных исследований, в том числе и своих, что делало его художественные произведения достоверными и реалистически убедительными.

Уже на первых страницах своего романа «В лесах» автор указывает на главный путь спасения разных слоев русского населения – кустарный промысел. Этот промысел спасает народ от голода не только в неурожайные годы, но и приносит богатство местным «тысячникам», среди которых выделяется главный герой романа – Патап Максимович Чапурин и его жена Манефа. Они верны старообрядческим народным традициям, взаимоотношения хозяина и работника построены здесь на строгости и честности хозяина. По мнению Мельникова-Печерского, «миллионщиков за Волгой нет, а тысячников много. Они по Волге своими пароходами ходят, на своих паровых мельницах сотни тысяч четвертей хлеба перемалывают. Много за Волгой таких, что десятками тысяч свои капиталы считают» [12. Кн. 1. С. 13]. В своих верова-

ниях Чапурин был старовером, но не «закоснелым изувером», а потому больше, «что за Волгой издавна такой обычай велся, от людей отставать ему не приходилось. Притом же у него расколом дружба и знакомство с богатыми купцами держалось, кредита от раскола больше было. Да, кроме того, во время отлучек из дому по чужим местам жить в раскольничьих домах бывало ему привольней и спокойней» [12. Кн. 1. С. 16].

Хотя Чапурин и строгий хозяин, но почет ему от окрестных крестьян, а зависимости от него находилось не менее двадцати деревень, «был великий». Однако автор не скрывает от читателя, что старой вере перед светом просвещения не устоять, хотя бы потому, что среди множества толков и верований раскола появляются и домовитые молокане, и восторженные, ищущие упоения в своих беснованиях хлысты, и фанатики из «Спасова согласия», которые мечтали о страданиях и мучениях, и изуверское направления скопцов, которые радикально лишали себя возможности грешить. Одной из главных задач официальной русской православной церкви стала борьба с расколом и ересями всех направлений, и в этой борьбе она к концу XIX в. достигла больших успехов, что, однако, не спасло ее от всеобщего атеизма в начале XX в. в эпоху революционного брожения. Одним из разрушителей старой веры стал сын другого фанатика раскола – Алексей Лохматый, который не смог устоять перед соблазнами «золотого тельца» и сначала предал свою любовь, а затем устремился за этим тельцом в погоню. Науку эту он начал по совету своего маклера с трактиров и коммерческого клуба, с парикмахерских и модных магазинов и вскоре предстал перед домашними в таком виде, что они от него «так и шарахнулись». Для благородной жизни ему нужен был соответствующий дом и для этого он стал обхаживать свою жертву, богатую невесту Марью Гавриловну, с которой имел до брака незаконную связь. Благодаря хитрости и коварству Алексей Лохматый сначала ее обобрал, купив за ее деньги на свое имя двухэтажный дом и лучший в округе пароход «Соболь», а затем и вовсе отказался брать ее в жены [12. Кн. 2. С. 216–225]. Однако такой подход к делам не прошел для него даром, и он неминуемо разорился, так как деловой хватки в процессе такого быстрого своего обогащения он не получил.

Чем-то собственное обогащение через выгодную женитьбу напоминает историю ростовского по происхождению и томского по месту основной коммерции купца Евграфа Королева. Сначала он в молодые годы нанялся в приказчики к томскому купцу Ненашеву, а после его смерти оказался в милости у его вдовы. Однако браку Евграфа Ивановича Королева и Евпраксии Семеновны (по первому браку Ненашевой) это не помешало, хотя у нее уже было трое сыновей, почти ровесников ее мужу. Карьера Е.И. Королева складывалась благополучно, он стал крупным виоторговцем и винозаводчиком в Томской губернии, добывал в Енисейской тайге золото, занимался извозом и торговлей приисковым товаром и дважды избирался городским головой [13. С. 262].

Не избежал искушения быстро обогатиться и главный положительный герой романа старик Чапу-

рин, который поверил рассказу случайных путников о возможности добывать золото в далекой Сибири, но и у себя под боком, в заволжской тайге. Этот прием позволил писателю отправить путников в путешествие по местным старообрядческим монастырям, малодоступных в летнее время скитам и деревенькам, заставил неопытных старателей искать золотые россыпи в прибрежных песках таежных речек и ручейков, и вскоре обман раскрылся. Немалую роль в этом разоблачении сыграла жена одного из компаньонов Чапурина, при описании которой П.И. Мельников не жалеет хвалебных эпитетов: «Испокон веков народ говорит: жена добрая, домовитая во сто крат ценней золота, не в пример дороже камня самоцветного. Правдиво то русское извечное слово; правду его Иван Григорыч на себе спознал» [12. Кн. 1. С. 113]. Кроме этого, осторожные и прижимистые кержаки перестали верить беглому монаху Стуколову, когда он стал собирать с них в счет будущих несметных богатств деньги: «Не один миллион, три, пять, десять наживешь, — с жаром стал убеждать Патапа Максимыча Стуколов, — Лиха беда начать, а там загребай деньги. Золота на Ветлуге, говорю тебе, видимо-невидимо. Чего уж я — человек бывалый, много видал приисков и в Сибири и на Урале, а как посмотрел я на ветлужские палестины, так и у меня с дива руки опустились... Да что тут толковать, слушай. Мы так положим, что на все это дело нужно сто тысяч серебром.

— Значит, это дело надо оставить — махнув рукой, сказал Патап Максимыч — Сто тысяч! — Эх у него тысяч-то — ровно парена репа ...» [12. Кн. 1. С. 185].

Своеобразным продолжением романа П.И. Мельникова «В лесах» стал роман «На горах». Как известно, если смотреть на реку сверху вниз и вниз по течению, то в силу законов природы левый берег у любой реки будет ровный и пологий, а правый — высокий и крутой. Как на сибирских реках, так и на Волге и ее притоках левый берег луговой с низкими берегами и заливными лугами, а правый — крутой и высокий, лесов и лугов там мало, а почва, в отличие от левого берега, где она удобряется наносным илом, малоплодородная. В этой связи население здесь в большей степени кормится ремеслом и кустарными промыслами, что красочно описано Мельниковым-Печерским в своих романах и других произведениях.

В центре повествования стоит история старинного села Миршень и его обитателей. Спасение России писатель видит уже не в старых патриархальных порядках и верности старине, но в стране встающей на капиталистический путь развития под руководством просвещенной буржуазии, образованной и приобщившейся к европейской культуре. Такой поход проявился в образах купцов нового типа — Меркулова и Веденеева. Однако писатель не идеализирует хозяйственную жизнь региона и вводит в повествование обличительную струю — образ Марка Даниловича Смолокурова. Этот образ должен был противостоять

образу сугубо положительного персонажа — П.М. Чапурина. Например, на предложение Марка Даниловича заняться рыбной торговлей Чапурин отвечает резким отказом, заявляя, что он не способен заниматься грабежом и обманом. Тугая мошна Смолокурова творит чудеса: перед ним заискивает губернский предводитель дворянства и даже не прочь породниться с ним. Мелкое чиновничество постоянно ждет подачки от крупного торговца и готово оказать ему любую услугу [7. С. 153]. Отказывается Мельников-Печерский в своем последнем романе «На горах» и от идеализации кустарных промыслов. В предыдущем романе «В лесах» промыслы по производству деревянной и глиняной посуды, валяных шляп, обуви и войлока, разного рода изделий из дерева (тележные колеса, дуги и оглобли, сани, бочки и туеса) является естественным и эффективным способом зарабатывания дополнительных денег. В романе «На горах» писатель уже отказывается от этой мысли, и промыслы вместе с земледелием являются только средством выживания большинства населения нагорных деревень, уходом от призрака голодной смерти и нищеты.

Таким образом, рассказы, очерки и особенно романы Мельникова-Печерского — это не только художественная эпопея истории России второй половины XIX в., но и трезвое экономическое исследование, в котором раскрываются пути крупных капиталов Поволжья, анализируется состояние дел на Нижегородской ярмарке, раскрываются взаимоотношения хозяев и работников, купцов и их приказчиков. В творчестве Мельникова-Печерского освещены все стороны купеческого быта поволжского региона, включая быт и нравы, жилье, одежда и питание, традиции и обычаи, танцы, игры и народная медицина. Особо следует выделить сокровища фольклора, рассыпанные по произведениям этого писателя: песни, сказки, легенды, пословицы и поговорки, а также отражение былинной поэзии и народных причитаний. Одним словом, творчество П.И. Мельникова-Печерского, особенно его дилогия «В лесах» и «На горах», является одним из ярких примеров взаимодействия науки и художественной литературы [13. С. 272], что можно активно использовать при освещении различных социальных слоев поволжского региона, в первую очередь, местного купечества.

Итак, во второй половине XIX в. местное купечество активно изживало старообрядческую идеологию как в обрядовой стороне, так и в мировоззрении. Правительство в лице наиболее умных ее представителей стало понимать, что раскол — это не враждебное официальной вере и самодержавию течение, а верный союзник консервативного толка, который может стать оплотом режима. Проникновение в старообрядческую среду новых веяний, прежде всего капиталистических, втянуло в этот процесс большинство предпринимателей, которые быстро приспособились к новым условиям и стали быстро пополнять ряды российской буржуазии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Секиринский С.С. От книги про дельца до «книги про бойца» // Отечественная история. 2002. № 1. С. 191–195.
2. Нечкина Н.В. Функция художественного образа в историческом процессе : сб. работ. М. : Наука, 1982.
3. Левандовская А.А., Левандовский А.А. «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–157.

4. Бойко В.П. Русское купечество в пьесах А.Н. Островского и статьях его критиков // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 48. С. 6–13.
5. Берлин П. Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь. 1913. № 1. С. 170–196.
6. П.И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. в 12 т. СПб. : Изд. тов-ва М.О. Вольф, 1897. Т. 1. 364 с.
7. Соколова В.Ф. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вят. книж. изд-во, 1981. 192 с.
8. 1 000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М. : Современник, 1995. 479 с.
9. Измайлов А. Бытописатель «взыскующих града» (К 25-летию смерти Мельникова-Печерского) // Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1908. № 11. С. 453–482.
10. Купеческий бытовой портрет. Первая отчетная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Л., 1925. 48 с.
11. П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 т. М. : Правда, 1976. Т. 1.
12. П.И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах : в 2 кн. М. : Худ. лит., 1977. 556 с.
13. Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIX в. 2-е изд., испр. М. : Кн. дом «Либроком», 2009. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 сентября 2020 г.

The Evolution of the Image of Russian Merchants and Domestic Entrepreneurship in the Writings of Pavel Melnikov (Andrey Pechersky)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 98–103.

DOI: 10.17223/15617793/463/12

Vladimir P. Boiko, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: history of Russia; merchants; entrepreneurship; Old Believers; Pavel Melnikov-Pechersky.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-49-700003.

The article analyzes the oeuvre of the great Russian writer Pavel Melnikov (Andrei Pechersky) as a source of the history of the Russian economic and social thought of the 19th century and the writer's attitude to the development of the merchant class in the country. An attempt was made to elicit the reasons for Melnikov-Pechersky's negative attitude to the new phenomena in the country's social and economic life. The author infers that Melnikov-Pechersky's writings show an increasing interest in the entrepreneurship of merchants, who primarily sought wealth for themselves and were not eager to establish themselves as leaders as it happened throughout the Western world. Such conclusions are confirmed by the content of Melnikov-Pechersky's short stories, human-interest stories and novels. The writings were not only the epic of the Russian history of the 19th century, but also a shrewd economic research, which revealed the ways the big capital was formed in Povolzhye, analyzed the business situation in the market of Nizhny Novgorod, characterized the relationship between owners and workers, merchants and their representatives. Melnikov-Pechersky's texts described every aspect of the Povolzhye merchants' living, including lifestyle and temper, dwelling and industrial buildings, clothes and food, traditions and customs, dancing, games and folk medicine. Special attention is paid to the treasures of folklore in the works of the writer: songs, fairy tales, legends, proverbs, sayings, and the reflection of bylina verses and lamentations. Thus, Melnikov-Pechersky's works, especially his novels *In the Forests* and *On the Hills*, were the spectacular examples of intercommunion between historical studies and the belles-letters that can be used extensively when writing about the different social strata of Povolzhye, primarily about local merchants. The article concludes that the writer was originally sympathetic to the emergence of first entrepreneurs from the grassroots, primarily from the peasant community. The simplicity and the lack of education allowed prospective merchants to preserve the features of the national character, to have traditional androcratic families with long-standing traditions and values, to remain committed to the old faith. From such families, there grew a great number of Russian merchant clans that mostly produced fabric made from linen and further of cotton first in their izbas, then in craftshops, and later in factories where several hundreds or even thousands of people worked. Melnikov-Pechersky depicts Russian entrepreneurship and commerce in the post-reform time as a process that had development prospects and could give positive results for the whole country. In Melnikov-Pechersky's writings, the Russian Raskol is the carrier of the new, essentially bourgeois, relations and has certain achievements in the economic life and in the spiritual and social movement.

REFERENCES

1. Sekirinskiy, S.S. (2002) Ot knigi pro del'tsa do "knigi pro boytsa [From a book about a businessman to a book about a fighter]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 191–195.
2. Nechkina, N.V. (1982) *Funktsiya khudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse* [The function of the artistic image in the historical process]. Moscow: Nauka.
3. Levandovskaya, A.A. & Levandovskiy, A.A. (2002) "Temnoe tsarstvo": kupets-predprinimatel' i ego literaturnye obrazy ["Dark Kingdom": a merchant-entrepreneur and his literary images]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 146–157.
4. Boyko, V.P. (2017) Russian merchants in plays by A. N. Ostrovsky and in the articles of his critics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 48. pp. 6–13. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/48/2
5. Berlin, P. (1913) *Burzhuziya v russkoy khudozhestvennoy literature* [The bourgeoisie in Russian fiction]. *Novaya zhizn'*. 1. pp. 170–196.
6. Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). (1897) *Poln. sobr. soch. v 12 t.* [Complete works in 12 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. tov-va M.O. Vol'f.
7. Sokolova, V.F. (1981) *Mel'nikov P.I. (Andrey Pecherskiy). Ocherk zhizni i tvorchestva* [Melnikov P.I. (Andrey Pechersky). Essay on life and work]. Gorky: Volgo-Vyat. knizh. izd-vo.
8. Platonov, O. (1995) *1 000 let russkogo predprinimatel'stva. Iz istorii kupecheskikh rodov* [1,000 years of Russian entrepreneurship. From the history of merchant families]. Moscow: Sovremennik.
9. Izmaylov, A. (1908) *Bytopisatel' "vzyskuyushchikh grada"* (K 25-letiyu smerti Mel'nikova-Pecherskogo) [To the 25th anniversary of the death of Melnikov-Pechersky]. *Niva. Ezheмесячные литературные и популярно-научные приложения*. 11. pp. 453–482.
10. Section of History and Everyday Life in the Russian Museum. (1925) *Kupecheskiy bytovoy portret. Pervaya otchetnaya vystavka istoriko-bytovogo otdela Russkogo muzeya po rabote nad ekspozitsiei "Trud i kapital nakanune revolyutsii"* [Merchant household portrait. The first reporting exhibition of the Section of History and Everyday Life in the Russian Museum on the work on the exposition "Labor and Capital on the Eve of the Revolution"]. Leningrad: Gos. tip. im. Ivana Fedorova.
11. Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). (1976) *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 volumes]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
12. Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). (1977) *V lesakh: v 2 kn.* [In the Forests: in 2 books]. Moscow: Khud. lit.
13. Sokolova, V.F. (2009) *Narodoznaniye i russkaya literatura XIX v.* [National Studies and Russian Literature of the 19th Century]. 2nd ed. Moscow: Kn. dom "Librokom".

Received: 07 September 2020